

Отзыв официального оппонента

Мартынова Дмитрия Евгеньевича

на диссертационную работу Мэн Юйфэн «Идеологические конструкты китайского социализма: опыт концептно-политического анализа», представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук, специальность 5.5.1. История и теория политики

Научный руководитель:
доктор политических наук,
доцент Поцелуев С.П.

Актуальность диссертационного исследования Мэн Юйфэн является высокой в самом прямом и неформальном смысле, при том, что может быть обоснована как с позиции политической злободневности, так и академической теоретичности. Практические потребности действующей власти Китайской Народной Республики, прежде всего, мобилизация населения и его привлечение к решению многочисленных задач развития страны, требуют «оптимизации» (в терминологии автора) официальной политической идеологии, приспособления её к текущей повестке дня. Это осуществляется самыми разными способами, вплоть до позиционирования Председателя КНР и Генерального секретаря Коммунистической партии Китая Си Цзиньпина как политика, равного по историческому статусу Мао Цзэду. С академической точки зрения наблюдается разрыв следующей природы: если в 1950-е гг. (в период «Великой дружбы» СССР и КНР) на русском языке публиковались некоторые современные на тот момент работы теоретиков китайской социалистической мысли (например, Ян Жунго), то в связи с ухудшением внешнеполитических и внешнеэкономических отношений, с 1960-х гг. на два десятка лет главной задачей исследователей идеологии стало «разоблачение» маоизма. Параллельно с этим в советской интеллектуальной истории и политологии нарастал внутренний раскол на основе принятия либеральных и кон-

сервативных ценностей, в свете которых рассматривались процессы развития великого восточного соседа. Интерес к социализму и марксизму вновь стал заметен в России лишь с начала 2000-х гг., что выразилось, в том числе, в новых переводах и переизданиях на русском языке теоретических трудов и выступлений Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя, а затем и Мао Цзэдуна. (Насколько нам известно, издание «Маленькой красной книжицы» 2007 г. имело даже некоторый коммерческий успех.)

Учитывая степень воздействия масс-медиа на самые широкие массы населения и активное участие академического сообщества в современных информационных структурах, которые созданы на Западе и в техническом отношении базируются на Западе, Мэн Юйфэн совершенно справедливо отмечает, что информационное пространство заполнено откровенно фантастическими суждениями относительно идеологических установок современного руководства КПК (с. 3). По нашим наблюдениям, разнообразные домыслы оказывают воздействие и на профессиональных историков, социологов и политологов, которые не являются специалистами по Китаю и подчас не в состоянии сориентироваться в профессиональной литературе, которая далеко не всегда доступна. В этом плане очевидна и практическая значимость работы, написанной на русском языке и защищаемой в России: она позволяет расширить проблемное поле и способствует углублению понимания логики принятия решений в условиях отмеченной автором «идейно-политического сродства общественных устройств и политических режимов КНР и СССР, с одной стороны, и релевантности советского наследия в политической культуре современной России – с другой» (с. 5).

Таким образом, в исследовании Мэн Юйфэн решается двуединая задача: делается попытка представить современный концептуальный анализ современной китайской идеологии, которая, во-первых, не переживала (в отличие от России) разрыва со специфическим марксистско-ленинским дискурсом; а, во-вторых, основана на фундаменте классической китайской философии с её символическим коррелятивизмом и ритуализмом. Поставленные автором за-

дачи можно было решать, разумеется, в проблемном поле не только политических наук, но и философских, а также интеллектуальной истории. Это закономерно выводит нас на методологический и источниковый фундамент исследования. Одной из важнейших задач, поставленных автором, является декодирование смыслов с целью достижения понимания реального политического содержания посланий высшего китайского руководства «городу и миру». Это и было решающим для выбора исследовательской стратегии и теоретико-методологической базы.

Список источников и литературы (не разделенный по типологии, представленной во введении, о чём см. ниже) включает 241 библиографическую единицу, классифицированных по языкам: русскому, английскому и китайскому. Это весьма представительная информационная база, фундирующая авторское изложение и выводы. Здесь указаны практически все ключевые авторы, писавшие по рассматриваемым в диссертации и смежным проблемам. Некоторые работы западных авторов (напр., Мориса Мейснера) представлены в китайском переводе. В высшей степени можно одобрить избранный диссертантом концептно-политический подход, сфокусированный на исследовании концептов как составных элементов политических идеологий. Составной частью авторской методологии является использование базовых понятий «истории понятий» (*Begriffsgeschichte*) Р. Козеллека и К. Скиннера и морфологический подход к идеологиям М. Фридена. Постмодернистская ситуация в науке позволяет успешно совмещать эти базовые направления с частными версиями концептного подхода М.В. Ильина и «временно-официальных идеологий» В.П. Макаренко. Рабочее определение идеологии базируется на работах Т. ван Дейка. Этого достаточно, чтобы продемонстрировать исследовательскую зрелость автора и свободное ориентирование в поле современного методологического инструментария, позволяющего корректную и почти ювелирную работу с разбираемыми понятиями. Автор особо подчёркивает, что воспринимает идеологическую специфику современного Китая в ее целостности и динамике.

Исследование Мэн Юйфэн характеризуется высокой степенью научной новизны, ибо впервые в российской политической науке разработан теоретико-методологический подход к исследованию китайского социализма и доказано наличие структурной динамики концептов китайского социализма как исторически целостной идеологической структуры. Автором убедительно представлены ключевые концепты теории «новой демократии» Мао Цзэдуна как идеологического конструкта «китаизированного марксизма», а также уточнена сущность идеологической ревизии идей Мао Цзэдуна Дэн Сяопином и показана его недооценка в современной историографии как теоретика.

В содержательном отношении диссертация Мэн Юйфэн разделена на три главы, первая и третья из которых включают по три параграфа, и средняя глава разделена на два параграфа. Архитектонику работы следует признать удачной и логичной, а представление логики исследования стройной. Не вызывают никаких претензий и промежуточные выводы, помещенные в конце каждой главы. Как принято в отечественной научной традиции, формулировки исследовательских задач и тезисов, выносимых на защиту, в основном коррелируют с формулировками заглавий по главам и параграфам и выводной частью.

Изложение начинается с рассмотрения идеологии китайского социализма как объекта концептно-политического анализа. Первый параграф очень удачно дополняет и разъясняет общие понятия, поданные в методологической секции введения. Примечательно то, что понятие «китайский социализм», используемое в диссертации, «было сконструировано автором поверх тех реальных идеологических лексикоконцептов, которые выступают референтами данного научного понятия» (с. 30). В этом плане оно не тождественно, например, используемым Лян Цичао сто лет назад (там же). Очень важным является отмеченный в выводной части тезис, что «концепты идеологий вращаются в медиапространстве, где они представляют своего рода вегетативную нервную систему идеологии, которая должна реагировать на злобу дня» (с. 47). Параграфы 1.2. и 1.3. носят исторический характер, будучи по-

священы зарождению в китайской политической культуре понятий, которые коррелируют и могут быть истолкованы в проблемном поле социализма как концепта. Они были созданы несхожими политическими мыслителями Кан Ювэем, Лян Цичао и Сунь Ятсеном, и обобщённо именуется автором «датунизм». Весьма ценным является широкое использование современных китайских работ, опубликованных в 2010-е гг., а также включение историографического осмысления концепции Датун Кан Ювэя в актуальный политический контекст. Автором делается вывод, что концепция Датун может считаться идеологическим прообразом социализма с китайской спецификой (с. 80).

Вторая глава исследования Мэн Юйфэн также носит исторический характер, так как в ней анализируются идеологические конструкты социализма в КНР от Мао Цзэдуна до Дэн Сяопина. В теоретическом плане главным содержанием двух параграфов является идентификация теории «новой демократии» Мао Цзэдуна, играющей парадигмальную роль для идеологии «китаизированного марксизма», и экспликация идеологического конструкта эпохи Дэн Сяопина. Очень важным является признание недооценки Дэн Сяопина как марксистского идеолога, что автором связывается с узким пониманием идеологии только как теоретической доктрины, тогда как манера выражения Дэн Сяопина зачастую не воспринимается не-китайским сознанием. Немалую роль сыграло и то, что пик его деятельности пришелся на период неолиберальных притязаний на «конец истории», что сопрягалось с представлениями о сопряжении успеха рыночных реформ с идеологическим минимализмом (с. 114 – 115). Ядром второй главы является именно рассмотрение взаимосвязи маоизма и теоретической работы Дэн Сяопина (оба этих выдающихся деятеля никогда не занимались чистой теорией, и вся их деятельность была неотделима от практики государственного управления и реформирования). Особенностью китайских условий в 1980-е гг. была внешняя очевидность стоящих перед партией задач: ликвидации причин массовой нищеты населения и преодоления последствий «вялотекущей гражданской войны» как определяется Культурная революция (с. 141). Всё перечисленное не должно

было сопровождаться массовой дискредитации партии и её идеологии в глазах широких народных масс: здесь показательный антипример подавала Перестройка в СССР. В уточненном Дэн Сяопином концепте «социализма с китайской спецификой» классические марксистские понятия сдвигались на периферию, а сам этот концепт отличался динамизмом, вытекающим из прагматического политического мышления. Напротив, ленинское понятие новой экономической политики, бывшее периферийным для советского марксизма-ленинизма, было включено в ядро (или смежное с ним пространство) нового идеологического конструкта (с. 142).

Третья глава диссертации посвящена современности Си Цзиньпина со всеми ее противоречиями, в том числе глобальной эпидемией коронавируса COVID-19, которая привела к настоящей информационной войне Китая и Запада. Именно руководство Си Цзиньпина сопровождалось третьим скачком китаизации марксизма (с. 143). Формула главного концептуального сдвига XXI века такова: «Китай велик не потому, что он приобщился к мировому социализму, а социализм велик потому, что он был изначально делом (великой) китайской нации» (с. 229). Марксистские философские категории активно интерпретируются в духе китайской философской традиции по тому же принципу, что и во времена Кан Ювэя и Лян Цичао. Коммунистическая партия Китая организует праздники в честь рождения Конфуция с распеванием гимнов и соответствующих глав «Канона церемоний». По мысли автора, и в России, и на Западе «фатально недооценивают то, что китайским коммунистам удалось сплести воедино два исторических проекта: строительство социализма и строительство нации. В результате марксистский коммунизм стал частью культурного кода современных китайцев» (с. 230).

В заключении диссертационной работы весьма отчетливо и логично представлены не только выводы, но и границы проведенной работы. Мэн Юйфэн совершенно справедливо указывает, что генеральная цель диссертации может показаться неподъемной, и при этом еще раз обосновывает выбор именно политологического, а не историографического направления – холи-

стический подход, вообще свойственный китайской мысли, который «если не дает, то хотя бы открывает возможность системного анализа» (с. 230).

Одной из обязанностей оппонента (как и любого другого рецензента, осуществляющего экспертизу научной работы) является указание на недостатки и огрехи. Данный раздел не будет носить принципиального характера, так как мы солидарны с избранной Мэн Юйфэн логикой работы с источниками и аналитической литературой, которая, как известно, и определяет структуру, вид и содержание исследования. Однако, будучи именно специалистами по учению о Великом единении в китайской мысли XIX – XX вв. мы вынуждены отметить некоторую непоследовательность, присутствующую в работе. Как в автореферате, так и в общем заключении по диссертации в целом чрезвычайно стройно и наглядно представлена авторская логика, однако в структуре работы весь второй параграф первой главы посвящён понятию «датунизм», трактуемому как политическая идеология (с. 46 – 65). И в этом контексте присутствует известная нестыковка: в заключении работы говорится, что датунизм является «началом политической теории китайского социализма» (с. 227), но прямо идеологией не назван, сводится к утопии Кан Ювэя, которая трактуется как «идеологическая основа более широкого круга политических воззрений» (там же). Далее следует параграф 1.3, озаглавленный «Датунизм Лян Цичао и Сунь Ятсена как опыт идеологического конструирования китайского социализма». В положениях, выносимых на защиту (с. 13 – 15) подчёркивается примордиалистский характер этой идеологии (принцип «всё это уже было открыто в Поднебесной»), а также конкретный вклад Кан Ювэя, Лян Цичао и Сунь Ятсена. Например, согласно автору, именно Лян Цичао «употребил термин «китайский социализм» как синоним общества Датун и поставил вопрос о предрасположенности Китая к социализму, в результате чего Датун оказывается зонтичным концептом для всех древних и современных социалистических учений – как в Китае, так и на Западе» (с. 14). Здесь, кстати, следовало бы подчеркнуть глубокую взаимосвязь логики интеллектуального развития Лян Цичао и его учителя Кан Ювэя на

почве китайского национализма, что привело их к «имперско-националистической установке» (с. 14 – 15): у Лян Цичао в теории, а у Кан Ювэя на практике во время мятежа Чжан Сюня летом 1917 г. Увы, выводная часть диссертации существенно обеднена в этом отношении, из-за чего утрачивается многомерность проделанной Мэн Юйфэн работы.

Использование термина «датунизм» может показаться экзотическим, так как это сознательный англицизм (*datongism*), и, насколько нам известно, широко понятие 大同主义 в китайском общественном сознании не используется. В то же время на с. 49 диссертации представлена мысль, которая нам импонирует: Мэн Юйфэн связывает «датунизм» с модернистским переосмыслением древнего конфуцианского учения об обществе, и хронологически помещает интенсивные искания в этом отношении ко времени Движения за новую культуру и дискуссий о социализме. Данный аспект работы может и должен быть развит впоследствии. Тем не менее, лично для нас обоснование последовательного использования понятия (а не концепта) «датунизма» представляется недостаточным, а сам термин, скорее, экзотизмом, чем действенным инструментом анализа.

Дискуссионным является и понимание диссертантом интеллектуального синтеза Сунь Ятсена. Мы совершенно солидарны с трактовкой «Датун шу» как общей идеологической матрицы не только для «утопических социалистов» Китая, но и для последующей идеологической традиции КНР, включая концепт социализма с китайской спецификой современной КПК (с. 15). Однако для чёткого рабочего определения «датунизма» Сунь Ятсена автору явно не хватает знакомства с монографией Чжан Сюйсина и Леонарда Гордона (нет её и в библиографическом списке): «Chang S.H., Gordon L.H.D. All under heaven...: Sun Yat-sen and his revolutionary thought. Stanford: Hoover Institution Press, 1991. xvii, 253 p.» Чжан Сюйсинь и Л. Гордон подчёркивают, что в концепции народного благосостояния на первое место выносятся традиционно китайские ценности – взаимопомощи и возможности коррекции человеческого поведения духовными и моральными ценностями.

Рассмотрим ряд замечаний технического характера. Оговоримся, что мы не будем заострять внимания на отдельных стилистических или пунктуационных ошибках, так как, во-первых, они не носят системного характера, и, во-вторых, принимая внимание, что русский язык в принципе для диссертанта не родной. Работа написана хорошим русским литературным языком в научном стиле и тщательно вычитана; наверняка в этом немалая заслуга научного руководителя. Из типичных и свойственных не только нашему диссертанту технических ошибок следует указать следующие:

1. Нумерация страниц начинается с титульного листа, что не принято в русской типографике (в текстовых редакторах для этого предусмотрена соответствующая опция). В имеющемся у нас тексте на с. 217 во втором абзаце сверху сбито форматирование текста по ширине, взамен оно дано по левому краю страницы.

2. В работе периодически проскальзывают ошибки в транскрипции китайской фонетики по системе Палладия. Например, имя 岳雪侠 (с. 259, позиция в библиографическом списке 239) передано как «Юе Сюеся», тогда как оно оптически должно выглядеть «Юэ Сюэся» (пиньинем Yùè Xuěxiá). Передача слога «сюэ» как «суюе» присутствует и в других пунктах библиографической записи, напр. №224 (на с. 257). Характерный артефакт присутствует в библиографии под №232 (с. 258) когда имя Чжэн Дэжун (郑德荣) передано как «Чжэн Дэронг», ибо слог 荣 пиньинем записывается действительно как *róng*. Примерно то же мы видим в п. 195 (с. 252), когда фамилия «Го» (郭) передана как «Гуо», что больше согласуется с передачей со слуха и транскрипцией в пиньине (Guō). В п. 112 (с. 243) перепутаны местами китайское имя и фамилия («Энфу Чен»), возможно, это является артефактом самого издания, происходящим, вероятно, из-за двойного перевода с английского языка. Однако при работе с библиографией мелочей не бывает. Аналогично в п. 147 (с. 246) поменялись местами в англоязычном написании имя и фамилия «Lili Gui», что требовало размещения записи в алфавитном порядке под бук-

вой «джи», а не «эл». Также в библиографическом списке «вылетело» иероглифическое написание имени автора и названия статьи в п. 234 (с. 259).

3. В традиции отечественной науки сложилась практика, что при цитировании периодических изданий на иностранных языках их названия не переводятся. Так в библиографии собственных работ Мэн Юйфэн, подготовленных в рамках написания диссертации (с. 22), заглавие журнала «Шидай цзяоюй» (时代教育), имеющего английское название “Time Education”, переведено как «Журнал обучения времени», хотя мы понимаем его как «Современное просвещение».

4. Нам осталась непонятной несвязанность библиографического списка с проведенной в соответствующих разделах введения типологии. Внутри единого библиографического списка напрашивается разделение не только по языкам, но и по секциям источников и литературы, как минимум. В противном случае получаются курьёзы, хотя лично нам льстит, что в библиографии статьи Д.Е. Мартынова следуют сразу после трудов Мао Цзэдуна и К. Маркса с Ф. Энгельсом (№№ 51 – 63 на с. 236 – 238).

Повторимся, всё перечисленное (и особенно дискуссионные моменты) никоим образом не снижает положительного впечатления от проделанной Мэн Юйфэн работы и легко может быть исправлено в дальнейшем, например, при подготовке монографического исследования по материалам диссертации.

Авторские подходы отражены в десяти выступлениях на научных конференциях разного уровня и представлены в 17 опубликованных работах, из которых пять – в изданиях из перечня рецензируемых научных журналов, утвержденного ВАК РФ и одна в издании, индексируемого *Web of Science*.

Диссертация Мэн Юйфэн выполнена самостоятельно, изложена на высоком научном и методологическом уровне, результаты исследования достоверны, обоснованы и корректно представлены. Автор убедительно демонстрирует научную новизну диссертационного исследования. Автореферат адекватно и полно отражает содержание диссертации. Содержательно работа

соответствует формуле паспорта специальности 5.5.1. История и теория политики, а именно: п. 4. «История мировой социально-политической мысли: направления, течения, доктрины, теории, концепции, учения и идеи»; п. 22. «Политические идеологии»; п. 26. «Политическая лингвистика и политическая текстология».

Таким образом, диссертационная работа Мэн Юйфэн на тему «Идеологические конструкты китайского социализма: опыт концептно-политического анализа» полностью соответствует требованиям п.п. 2.1. и 2.2. «Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования “Южный федеральный университет”», предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата политических наук, а ее автор Мэн Юйфэн заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.1. История и теория политики.

Официальный оппонент

профессор кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований
высшей школы востоковедения «Восточный разряд»

Института международных отношений

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Доктор исторических наук, доцент

Мартынов Дмитрий Евгеньевич

Адрес места работы:

420111, г. Казань,

ул. Пушкина, 1/55, к. 302

E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Тел.: +7(843) 293-94-46

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.03. Всеобщая история (новая и новейшая история)